

от «могут любым образом добываться манипуляции».¹ Ноц-шондерсон в “Гайде по грамматике языка “бог”” пишет о том, что в каждом языке всегда имеется некоторое количество слов, которые, несмотря на то что они являются идентичными с точки зрения грамматики, при интерпретации которых возникают различные смыслы. И это неизбежно, потому что в языке есть определенные виды языковых единиц, которые включают в себя неоднозначные значения, например, глаголы **“плясать до упаду, а работать без устали”**.

О разграничении наречия и существительного с предлогом

© О. Е. ИВАНОВА, кандидат филологических наук

Правила орфографии, регулирующие слитные или раздельные написания наречий и сочетаний “предлог + существительное” с наречным значением, базируются на морфологическом основании и требуют учитывать принадлежность к определенной части речи: наречие следует писать слитно, существительное с предлогом – раздельно. Однако в реальности разграничение наречий и существительных с предлогом оказывается нелегким, поскольку не всегда ясно, с какой из этих сущностей пишущий имеет дело. Применить данный морфологический подход затруднительно, например, в таких часто встречающихся контекстах, как (1) *лег на бок/набок*, (2) *завалился на бок/набок*, (3) *склонил голову на бок/набок*. Какие же критерии “включаются” здесь при выборе способа написания? В примере (1) критерий “задать вопрос: *на что?* или *как?*” (т.е. сформулировать вопрос к дополнению или обстоятельству) не работает, поскольку оба вопроса допустимы, глагол *лечь* никак не обнаруживает своих предпочтений – и свобода выбора написания остается за автором текста. Поэтому приходится прибегать к другому смысловому критерию: “в какой сопоставительный ряд я хочу поместить данную единицу, чтобы выразить необходимое мне значение: *на спину, на грудь* или *навзничь, ничком?*”. И снова равно допустимы обе возможности. Пример (2) также не является однозначным: интуитивно ощущается предпочтительность сочетания глагола *з瓦литься* с наречием *набок*, но ведь можно написать и *звалиться на бок*, если при этом подразумевать – “не на спину, не на плечо”. Таким образом, решение о написании в (1) и (2) принимается исключительно по выбору пишущего на основании его понимания высказывания. Как он напишет – так и следует понимать текст. И тут не идет речь о вариантах написания, так как это не одно и то же слово, записанное орфографически по-разному, а разные языковые явления, каждое из которых выражает собственную семантику, свое значение. Наконец, в примере (3) описывается ситуация, для кото-

рой предпочтительным является выбор наречия *набок*, потому что здесь имеется в виду не “бок” – “боковая часть туловища”, а направление, конкретнее, положение головы, наклонное в сторону плеча. Наречие *набок* попадает здесь в один ряд с локальными характеристиками *вперед*, *назад*, которые, в отличие от *набок*, употребляющиеся при глаголах *наклонить* и *склонить*, сочетаются только с глаголом *наклонить*. В рассмотренных примерах коллизия “наречие или существительное с предлогом” существует не в языке, который определенным образом, тонко, но все-таки разграничивает предложно-падежную конструкцию и наречие, а в способности пишущего проявить свое языковое чутье, как говорят, “языковую компетенцию”.

Но есть явления другого рода, когда написание известно, а частеречный статус не является бесспорно определенным, ясным, в том числе и для специалистов. Обратимся, например, к сочетанию *до упаду*, которое считается наречием в академических грамматиках с 1952 г., а в “Русской грамматике” 1980 г. оно даже пишется слитно (Т. Г. С. 407, 703). При этом правила правописания трактуют его однозначно как существительное с предлогом, а орфографические словари допускают только раздельное написание. *До упаду* постоянно фигурирует в списках тех единиц, для которых рекомендация слитного написания представляется очень желательной, почти бесспорной. Считается, что *до упаду* является целостной по значению единицей, неразделимой на самостоятельные смысловые части, поскольку компонент *упад* не “дотягивает” до статуса самостоятельного слова: в словарях он обычно оформляется не как полноценное существительное, а только в качестве составляющей цельного сочетания (*упад*: *до упаду* – до полного изнеможения). Но слабая выделимость частей из целого, идиоматичность значения сочетания *до упаду* не является решающей для определения его категориального статуса как наречия. Имеются другие, существенные в данном случае признаки, позволяющие увидеть в этом раздельно пишущемся сочетании не просто “ошибку” кодификаторов, медлящих с установлением слитного написания, а реальное предложно-падежное сочетание, где и приставка, и корень имеют отдельные значения и с ними входят в специфическую лексическую парадигму – ряд слов, реализующих типовую семантику.

Наречия, образованные приставочным способом “до...+ корень”, формируют две основные разновидности: слова типа *дobel*, *догола*, *домертва*, *дотемна*, *доныне*, *досюда* восходят к несубстантивным корням, слова *доверху*, *донизу* – к субстантивным корням, имеющим абстрактное пространственное значение. Наречия этих двух разновидностей пишутся слитно. В остальных случаях образования с компонентом *до* имеют по действующим нормам раздельное написание (за исключением старинного *дотла*). Большинство таких наречных выражений реализует семантику обозначения предела действия (основное значение

предлога *до* – указание на предел чего-н. и на степень, которой достигает действие, состояние, качество). В реализации этого значения участвуют как существительные с признаковым значением основы (*зарез, износ, крайность, одурь, отказ, ужас*), так и предметные (*гроб, зубы, лампочка, ручка, фонарь*): *до боли, до времени, до гроба, до дна, до зарезу, до зубов, до износа, до капли, до конца, до костей, до крайности, до крови, до лампочки, до невероятности, до невозможности, до неизвестности, до одури, до отвала, до отказа, до полусмерти, до поры, до предела, до ручки, до смерти, до ужаса, до упаду, до фени, до фига, до фонаря, до чёрта, до чёртиков*. К рассматриваемому лексическому ряду относятся также идиомы типа *до корней волос* (покраснеть), *до зеленого змия* (напиться), *до гробовой доски* (любить), *до положения риз*. Единица *до упаду* вписана, таким образом, в немалый и достаточно живой, пополняемый ряд сочетаний различной степени идиоматичности, а внутри него – в ряд отглагольных единиц типа *до зарезу, до износа, до отвала, до отказа, до упаду*.

Сошлемся на мнение Е.С. Скобликовой, справедливое в том, что именно “отчетливость значений предлогов *до* и *без* при понятности “квазисуществительных” *зарез, упад* объективно способствует сохранению тенденции к раздельному написанию” этих единиц. Заметим, однако: слово *зарез* традиционно включается в словари русского языка в предметном (часть говяжьей туши) и глагольном (например, “Без этих денег мне зарез”) значениях. В этой связи его вряд ли можно считать “квазисуществительным”. Полагаем, что ассоциативные связи с целым рядом структурно и семантически однотипных единиц, к тому же активных в современном употреблении, поддерживают субстантивное осмысливание рассматриваемой конструкции и, как следствие, раздельное написание с компонентом *до*.

Признаки, значимые для языкового статуса данной единицы, определяющие в конечном счете и ее орфографическую запись, обнаруживаются не только в приведенном парадигматическом ряду, но и в синтагматическом – в контекстных отношениях слов. Известным школьным приемом решения орфографической задачи – различения графически совпадающих наречий и ненаречий – является использование дифференцирующего контекста. Обнаружение в контексте связей и зависимостей, характерных для имени существительного, означает, что до-корневая часть является предлогом, который пишется отдельно. Для *до упаду* типична сочетаемость с глаголами *танцевать/плясать, смеяться/хохотать, работать* и производных от них имен (например, *пляски, танцы, работа до упаду*), что само по себе не выявляет свойств наречия или имени. Но существуют тексты, в которых конструкции одной структуры занимают одинаковую синтаксическую позицию, что задает их общую морфологическую интерпретацию. Посмотрим, например, на две группы примеров: (1) на предложения с общим для одно-

родных членов глаголом: “[Дьякон] смеялся от каждого пустяка до колотья в боку, до упада” (А.П. Чехов); “Вот и воевали до упаду, до полного изнеможения” (В. Астафьев); “Она смеялась до упаду и до истерики” (Н.С. Лесков); “Иногда хохотал над моими глупостями до упаду, до слез” (Н. Шмелькова); также (2) на предложения с разными глаголами: “На масленицу надо “есть до икоты, пить до перхоты, петь до надсады, плясать до упаду” (Отеч. записки. 2003); “...заставлявшее зрителей смеяться до упаду и хлопать до неистовства” (Д.В. Григорович); “Мы умели и трудиться до самозабвения, вне регламента, по ночам, и веселиться до упаду” (М. Козаков) (некоторые примеры взяты из Национального корпуса русского языка).

Такие параллельные контексты, имеющие сопоставительную силу, не столь уж редки, в них попадают и другие единицы с наречным значением, характеризующиеся остаточной выделимостью корня. В следующих предложениях это сочетания *на ощупь* и *без умолку*: “Понимаю я слово правильно, можно сказать, *на ощупь*, *на вкус*, все его качества знаю, а распоряжаться им не умею” (К. Паустовский); “Ей шел уже восьмой год, и множество вещей она знала *на вид*, *на запах* и *на ощупь*” (Л. Улицкая); “...то верещал, то трепался о выборах, о политике, *без остановки*, *без умолку*”. Таким образом, контекстные условия, вследствие которых происходит включение данных единиц в ряд других субстантивных, занимающих одну синтаксическую позицию, в целом способствуют удержанию их раздельного написания. Даже если видеть в употреблениях типа “...упиваются медом, вином и водкою *до упаду и бесчувственности*” феномен обратного словообразования (так считал М.В. Панов), в результате которого приставка как бы отсекается от корня и пишется отдельно, то надо признать, что сама возможность переосмыслиения слова как предложно-падежного сочетания и соответствующей орфографической записи свидетельствует о наличии в нем не окончательно утраченных субстантивных потенций, а отсеченный компонент остается в тексте, “превратившись в предлог или частицу” (И.С. Улуханов).

Предложный характер компонента *до* актуализирован и в позиции сильноуправляемого родительного падежа, когда управляющий глагол содержит приставку, соотносимую с предлогом, например: *довести* хозяйство *до развала / до краха / до упада*; также с определением: *довести до полного развала / краха / упада*. Здесь корректна, по-видимому, лишь форма на *-а* – как у синонимичных выражений. Словосочетание *довести до упада* отмечено в “Большом толковом словаре русского языка” (СПб., 2000). Закономерным использованием семантического потенциала данного сочетания представляется следующая, более “продвинутая” попытка осмыслить именную часть *упад* как отглагольное существительное в прямом значении: “Зато Незнайка и Пестренький *смеялись до упаду*, то есть под конец представления *упали со стульев*, а

Пестренький даже ударился головой о ножку стула и набил на макушке шишку" (Н. Носов).

В настоящее время в качестве полноценного имени существительного *упад* активно функционирует на периферии русского языка: это слово характерно для молодежного сленга и выражает значение "что-л. смешное, необычное; высшая степень какого-л. впечатления" (*я в упаде*), а также употребляется в значении междометия (*ну, полный упад!* *просто упад!*) (по данным "Словаря московского арго" В.С. Елистратова). Для обоих значений основной является сема предельности состояния, качества, свойственная также семантике наречного сочетания *до упаду*. Отмечаются, наконец, контексты, в которых *упад*, видимо, занимает место существительного *упадок*, такие, как *упад рыночного хозяйства, упад экономики Украины* (из публикаций Интернета).

Таким образом, уникальное слово *упад*, будучи тесно связанным в синтагматической цепочке с предлогом-приставкой *до*, вполне способно проявлять свой потенциал как субстантив, как существительное в рамках устойчивого сочетания *до упаду*. Предложение слитного или – как компромисс – вариантного способа написания *до упаду/доупаду* представляется спорным, упрощающим дело, если учесть все значимые языковые отношения. Оно влечет за собой лишь появление нового словарно фиксируемого орфографического исключения (так называемого словарного слова) из внушительного ряда однотипных единиц.

Сочетание *до упаду* продолжает, таким образом, свою жизнь в языке, балансируя на границе двух частей речи. Так же "живет" и, например, сочетание *без устали*, которое традиционно приводят в качестве пишущегося раздельно лишь по традиции. Эта традиция обязывает писать раздельно с предлогом *без* все сочетания, в которых именная часть напоминает по форме имя существительное независимо от выражаемого значения (*без напряга, без остановки, без продыху, без умолку, без устали* и др.). В текстах *без устали* реализует два основных значения: 1) одно, более частотное, без сомнения наречное: "беспрерывно, не переставая", встречающееся, в контекстах, где субъект действия – не человек: "Между тем *сайты* сепаратистов *без устали* распространяют сведения об огромных потерях федеральных войск"; "*Метро без устали* гремит над головой"; "*Без устали* трещат телефоны", то же с субъектом – человеком: "*Японцы* верны себе и *без устали* изобретают всевозможные полезные диковинки"; "*Центристы без устали* критикуют правительство", и 2) субстантивное "без усталости, не испытывая усталости" с субъектом действия – человеком: "*Ценятся служащие*, которые ходят на работу пешком, способны и к вечеру сохранять "утренние мозги", то есть работать *без устали* и перерывов"; "*Ребенок без устали* бегает весь день", ср. он (*никакой*) *устали* не знает (РОС: не знать устали). Слитное написание – это та орфографическая форма, в которую с уверенностью можно было бы облечь сочетание только в

первом из этих значений. Но возможны также сложные по семантике случаи, совмещающие оба значения, например: “У настоящего *физкультурника*, вообще, кажется, только два пути: либо *без устали* тренироваться, либо заняться чем-то другим”; “*Незнакомец* продолжал *без устали* колотить в дверь”.

Вполне возможно, что для *до упаду*, *без устали* и им подобных сочетаний двойственный частеречный статус является способом их существования в языке: известно, что переход в наречие (адвербиализация) для очень многих предложно-падежных конструкций не является обязательным, а может быть, и вообще недостижимым; что в зависимости от целого ряда факторов, известных в науке, каждое из предложно-падежных сочетаний имеет свои границы развития признаковой или предметной семантики. Степень приближения к наречию у каждого слова, вступившего на путь адвербиализации, “своя, индивидуальная”, писал, размышляя о нюансах адвербиализации, А.М. Пешковский.

В то же время многие из существующих ныне единиц имеют длительную историю раздельного написания, сохраняя неизменным и значение. Так, сочетания *на дом*, *на время* известны, например, с XI века, *на ощупь*, *в шутку*, *в тупике*, *на совесть* – с XVIII века (сведения о времени фиксации заимствованы, в частности, из трудов Н.В. Чурмаевой). Раздельный способ написания в этом случае представляется меньшим насилием над сущностями языка, оставляя возможность отразить употребления данных единиц и как наречий, и как существительных с предлогом.

“*Без устали*” вж. лев. чл. 2008 № 3/2008, 55–56. Видимо, в будущем предложено оставить в тексте в скобках, так как это неудобно для авторов и читателей. Однако в тексте есть одна ошибка: в первом предложении в скобках написано “*без устали*” (вместо “*без устала*”), а в последнем предложении – “*без устала*” (вместо “*без устали*”).